

The image is a composite. The top half shows a close-up of Joseph Stalin's face, looking forward, with a serious expression. The bottom half shows the back of a man's head and shoulders. He is wearing a black suit jacket, a white shirt, and a black fedora-style hat. The background is a solid, bright yellow color. The text is overlaid on the image: 'Яков Рабинович' is written in white on the hat, and 'Почему евреи не любят Сталина' is written in yellow on the man's back.

Яков Рабинович

Почему
евреи не любят
Сталина

Яков Рабинович

Почему евреи не любят Сталина

«Этерна»

2014

Рабинович Я. И.

Почему евреи не любят Сталина / Я. И. Рабинович — «Этерна», 2014

Проблемы, связанные с памятью о сталинизме, в современной России болезненны и остры. На прилавках – масса просталинской литературы: художественной, публицистической, квазиисторической. В социологических опросах Сталин неизменно в первой тройке «самых выдающихся деятелей всех времен». В оправдательном духе интерпретируется сталинская политика и в новых учебниках истории для школы. А рядом – безусловные достижения историков и архивистов, сотни посвященных сталинизму фундаментальных томов документов, научных статей и монографий. Но они если и оказывают влияние на массовое сознание, то слишком слабое. Причины этого и в недостатке практических механизмов такого влияния, и в исторической политике последних лет. Но более всего – в особенностях нынешнего состояния нашей национальной исторической памяти о сталинизме.

© Рабинович Я. И., 2014

© Этерна, 2014

Содержание

Сталин и Троцкий: поединок палачей	6
Синхронный старт	6
Блестящий теоретик и скромный террорист	7
История реальная и виртуальная	8
Ближний бой	10
Охота на льва	11
Операция «Философским пароход»	18
«К интеллигенции я симпатии не питаю»	19
«Безымянная» элита	21
Уходящему – Синай, остающимся – Голгофа...	23
Коминтерн и его наследники	25
Раскол рабочего движения и приход к власти нацистов	29
Исторические корни третьего рейха	30
Тайны «ядовитой» лаборатории	35
Мой дед Генрих Ягода	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Яков Иосифович Рабинович

Почему евреи не любят Сталина

© Я.И. Рабинович, 2014

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сталин и Троцкий: поединок палачей

Синхронный старт

Так случилось, что первые двое детей крестьянина Виссариона Джугашвили и Екатерины Геладзе умерли и только третий – Иосиф – выжил. Практически в то же самое время в семье Давида и Анны Бронштейн появился мальчик Лева (Лейба).

1888 г.: оба ребенка пошли учиться. Иосиф – в Горийское духовное училище, где все четыре года был первым учеником, а Леву отдали в Одесскую гимназию. В 1894 г. блестящий выпускник духовного училища Джугашвили поступает в Тифлисскую духовную семинарию. Лев Бронштейн университетам государственным предпочел университеты революционные.

С восемнадцати лет он начинает участвовать в социал-демократическом движении, а в девятнадцать, после первого ареста, продолжает обучение в тюрьмах Одессы, Николаева и Херсона.

В это время семинарист Джугашвили настойчиво овладевает религиозной премудростью да пописывает романтические стихи в местную газету «Иверия» под псевдонимом Коба (имя героя из книги писателя Казбеги о приключениях грузинского Робин Гуда). Увы, к великому сожалению, ни церковнослужителем, ни поэтом Кобе не суждено было стать. Многие борцы с царским режимом, в связи с запретом на проживание в обеих столицах, обосновались в Тифлисе, создав высокую концентрацию революционной мысли на единицу площади. И вот уже Иосиф Джугашвили, начитавшийся «Катехизиса революционера», исключен из семинарии и с головой окунается в «новое дело».

«Сибирский этап» своей политической карьеры оба наших героя начали почти синхронно. В 1902 г. арестованного Кобу отправляют в село Нижняя Уда Иркутской губернии. В этом же году из иркутской ссылки бежит Лева Бронштейн. На пути в Лондон Бронштейн меняет фамилию. В чистый паспортный бланк он не без юмора вписывает фамилию знакового тюремного надзирателя – Троцкий. Через десять лет то же сделает Джугашвили. Свою первую статью, напечатанную в Вене, он подпишет «Сталин».

Блестящий теоретик и скромный террорист

О первых шагов на революционном поприще Троцкий становится заметной и самостоятельной фигурой русского социал-демократического движения. Добравшись из Сибири в Лондон, он знакомится с Лениным, а уже через год на II съезде РСДРП вступает с ним в жесткий конфликт по вопросу Устава партии и переходит на позицию меньшевиков. Однако еще через год Троцкому становится тесно в рамках меньшевистской платформы, и он выдвигает собственную теорию «перманентной революции», объявив себя независимым социал-демократом. В то время Лев Давыдович был фигурой не менее, а может быть, и более яркой, чем нестигаемый большевик Ульянов. Не случайно в 1905 г., в разгар первой русской революции, именно он возглавляет Петербургский совет рабочих депутатов. После поражения восставших Троцкий вновь арестован и вновь бежит с этапа.

В 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне происходит первое «физическое» пересечение будущих участников войн за наследство Ильича. Правда, в то время Троцкий проявил политическую близорукость, даже не заметив скромного представителя «товарищей с Кавказа». Карьера Троцкого как видного теоретика революционного движения набирала обороты, и он по-спринтерски рвался вперед.

С точки зрения истории Сталин в этом соревновании оказался грамотным и выносливым стайером. Пока Троцкий блистал на трибунах, Коба (по некоторым данным – по прямому указанию Ленина) занялся революционной работой «вручную», то есть с бомбой и револьвером в руках. 26 июля 1907 г. происходит вооруженный налет на два экипажа, перевозивших деньги в Госбанк. Партии нужны деньги, цель оправдывает средства. Всего за 1907 г. экспроприации и теракты унесли жизни 1230 человек. Ко многим смертям из этого списка Коба лично причастен. Власти «оценили» эту активность. К 1913 г. на его счету восемь арестов. Трехсотлетие дома Романовых Сталин встречает в туруханской ссылке.

А Троцкий тем временем продолжает вести бурные дискуссии с Лениным, явно не стесняясь в выражениях. В своих памфлетах он называет последнего «профессиональным эксплуататором всякой отсталости» и «кандидатом в диктаторы». Но наступает 1914 г., выстрел в Сараеве дает старт мировой войне. Антивоенная программа объединяет Ленина и Троцкого. Оба понимают: поражение царской России – шанс для победы революции.

История реальная и виртуальная

Февраль 1917-го. Узнав о буржуазно-демократическом перевороте, в Россию со всех концов спешат революционеры. Одним из первых в Питере появляется Сталин. Вместе с Камневым он берет на себя руководство редакцией «Правды» и штабом большевиков, занявшим бывший особняк балерины Кшесинской.

В апреле в Петроград приезжает Ленин, и только в мае из Нью-Йорка через Галифакс прибывает Троцкий. Кстати, в Канаде он был арестован, но Петроградский совет надавил на Временное правительство, те послали ноту и добились освобождения Льва Давыдовича. На свою голову.

Главной ошибкой Троцкого в противостоянии со Сталиным было то, что Троцкий этого противостояния... не заметил. А когда заметил, было поздно. До конца двадцатых Троцкий не считал Сталина достойным противником. Да и немудрено. Сталин прозябал на третьих ролях, не имея ни авторитета, ни популярности, в то время как Троцкий на пару с Лениным был у кормила революции. Даже сам Сталин в своей статье к 1-й годовщине Октября признавал, что если Ленин был безусловным вдохновителем переворота, то вся практическая организация восстания проходила под руководством Троцкого. Правда, в начале 1930-х эта статья по указанию автора была изъята из всех сборников и более в печати не появлялась.

Позже в своей книге «Сталин» Троцкий с фактами в руках и пеной у рта доказывал, что никакого значительного участия ни в Октябрьском перевороте, ни в Гражданской войне Сталин не принимал. Однако, не обладая талантом теоретика, оратора и полководца, Сталин в совершенстве владел мастерством постепенного и незаметного превращения истории реальной в историю виртуальную. Схема процесса была проста и эффективна. Сначала роль и заслуги противника признаются безоговорочно (как в случае с Троцким). Затем его действия противопоставляются действиям ЦК партии. Дальше одиночка-отщепенец остается за бортом. И завершает картину поэтапная клевета на всех соратников по борьбе. В результате на пьедестале почета остается один Сталин.

Однако все это Лев Давыдович осознает позже, поэтому все его попытки «восстановить историческую справедливость» будут напоминать бесполезное махание кулаками после драки. А пока именем революции он вершит судьбу бывшей империи, ввергая ее в кровавую Гражданскую войну. И если Ленин делает это, сидя в Кремле, то Троцкий работает на местах. Звание наркомвоенмора давало ему неограниченную свободу решений и действий. Новую Красную армию он создавал безжалостными инструментами репрессий и террора. Именно Троцкому принадлежит идея создания заградительных отрядов. Кроме того, он ввел практику захвата заложников. По приказу Троцкого составлялись списки родственников офицеров, ушедших к белым. Мало того, в инструкции армейским комиссарам Троцкий указывает на необходимость иметь точные сведения о семейном положении комсостава Красной армии. Во-первых, чтобы в случае гибели командарма в бою семья не осталась без помощи, а во-вторых, для немедленного ареста всех родственников в случае измены.

На самых опасных и ответственных участках фронта появлялся Троцкий на своем знаменитом поезде. И если самого наркомвоенмора называли «львом революции», то его поезд был настоящим «драконом». Три локомотива тянули тяжелый состав, в вагонах которого располагались канцелярия, библиотека, медпункт, радио и телеграф, походная типография, мотоциклетный гараж. Гарнизон этой крепости на колесах состоял из отборных и лично преданных Троцкому бойцов. С платформы поезда Троцкий произносил свои зажигательные речи, рассказывая полуграмотным красноармейцам о величии мировой революции. Там награждал он героев именным оружием. Но горе командирам и бойцам, проявившим трусость. В полках, покинувших окопы, расстреливался каждый десятый. Позже эту тактику возьмет на вооруже-

ние Сталин, подписывая в начале Великой Отечественной свой знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Ближний бой

После смерти Ленина столкновение Сталина и Троцкого стало неизбежным. Вождь мирового пролетариата предвидел эту опасность и в своем завещании призывал соратников не допустить раскола. Однако ленинское письмо до широких масс не дошло. С молчаливого согласия партийного руководства на нем был поставлен гриф «Для служебного пользования». Руки у Сталина оказались развязаны, и он перешел в атаку.

Смерть Ленина застала Троцкого в Сухуми на отдыхе. По телеграфу он запрашивает о дате похорон. Сталин убеждает Троцкого продолжать лечение. Тем временем похороны Ильича назначены на день раньше срока. Отсутствие Троцкого на траурной церемонии сильно снизило его шансы стать «наследником». Зато Сталин оказался центральной фигурой на прощании с вождем, положив начало многолетней традиции советской номенклатуры: кто первый у гроба, тот и следующий у власти.

Схватка Сталина и Троцкого не была борьбой идей. Она напоминала бой без правил, где противники руководствуются только личными амбициями. Советские историки-ортодоксы уверяли, что Сталин отстаивал ленинские принципы построения социализма в пику ультра-левым идеям Троцкого. На самом деле Сталин оказался самым верным и последовательным «троцкистом». Ведь тотальная милитаризация страны, индустриальные пятилетки, коллективизация, трудовые армии эзков, плановая экономика – все это идеи оппозиционера Троцкого, претворенные в жизнь его непримиримым врагом.

Троцкий попытался нанести ответный удар, резко выступая против организации Мавзолея (в этом вопросе его активно поддерживала Крупская). Но Сталин и тут переиграл противника. Мумификацию образа Ленина он начал с бальзамирования его тела.

Тогда Троцкий попытался перехватить инициативу на том участке, где был традиционно сильнее, – в области печатной полемики. В 1924 г. он пишет статью «Уроки Октября», где с присущим ему блеском раскрывает механизм Октябрьского переворота, распределяя роли по принципу: Ленин – вне конкурса, я – самый крутой, Зиновьев и Каменев – трусы, Сталин – вообще никто. Желая усилить эффект, Троцкий использовал в статье некоторые тезисы ленинского завещания. И это была роковая ошибка. В личных целях Троцкий нарушил заговор партийного молчания, и против него ополчилась вся советская верхушка.

На пленуме 1925 г. Сталин предложил сместить Троцкого с поста председателя Реввоенсовета, выбивая из рук врага главное оружие – власть над армией. Под угрозой вывода из Политбюро Троцкий подчиняется партийной дисциплине.

Охота на льва

Накануне XV съезда первого из соратников Ленина исключают из партии, а в январе 1928-го высылают в Алма-Ату. Через год Сталин решил, что этого недостаточно, и Политбюро послушно голосует за высылку Льва Давыдовича из страны.

На первых порах единственной страной, согласившейся принять изгнанника, была Турция.

Четыре года в Турции, затем Франция, Норвегия и, наконец, Мексика. В 1932 г. Троцкий лишается советского гражданства и уже в статусе политэмигранта ведет активную и беспощадную войну против Сталина на страницах зарубежной печати. Иосиф Виссарионович в долгу не остался. Всех, кто был хоть как-то связан с Троцким, арестовали и уничтожили. А вскоре дошла очередь и до него самого.

Лев Троцкий в статье «За стенами Кремля», опубликованной в 1938 г. в эмигрантском журнале «Бюллетень оппозиций», утверждает, что Сталин имел в своем распоряжении достаточно компрометирующих данных на М. И. Калинина и К. Е. Ворошилова, чтобы их шантажировать на полную послушность; Калинин, ставший после смерти Я. М. Свердлова в 1919 г. Председателем ЦИК, то есть формальным главой СССР, был в составе Политбюро представителем интересов крестьянства. Как пишет Троцкий, Калинин в первые годы своего председательства в ЦИК вел себя очень скромно. «Но со временем и под влиянием формальной власти он приобрел рутину “государственного человека” и перестал робеть перед профессорами, артистами и особенно артистками. Мало посвященный в закулисную сторону жизни Кремля, я узнал о новом образе жизни Калинина с большим запозданием и притом из совершенно неожиданного источника. В одном из советских юмористических журналов появилась, кажется в 1925 г., карикатура, изображавшая – трудно поверить! – главу государства в очень интимной обстановке. Сходство не оставляло места никаким сомнениям. К тому же в тексте, очень разнузданном по стилю, Калинин назван был инициалами М. И. Я не верил своим глазам. “Что это такое?” – спрашивал я некоторых близких мне людей, в том числе Серебрякова. “Это Сталин дает последнее предупреждение Калинину” – “Но по какому поводу?” – “Конечно, не потому, что оберегает его нравственность. Должно быть, Калинин в чем-то упирается”»¹.

После такого «предупреждения» Калинин, по словам Троцкого, перестал упираться и постепенно стал полностью послушен воле Сталина, подписывая в форме указов любой его проект. Указы Центрального исполнительного комитета СССР имели силу закона и подписывались председателем и секретарем. Секретарем ЦИК много лет был друг Сталина А. С. Енукидзе, которого он держал под полным контролем. Чтобы такой указ-закон вступил в силу, было достаточно этих двух подписей. Формально считалось, что этот закон принят голосованием всех членов Президиума ЦИК, но на практике согласие большинства членов Президиума ЦИК получали телефонным опросом. Телефонный опрос был обычным методом принятия и указов Президиума Верховного Совета СССР, и этот быстрый способ преобразования директив Сталина в законодательные акты обеспечивался Калининным.

Троцкий также утверждал, что к 1928 г. ему стало известно, что «у Сталина есть особый архив, в котором собраны документы, улики, порочащие слухи против всех без исключения видных советских деятелей. В 1929 г. во время открытого разрыва с правыми членами Политбюро, Бухариным, Рыковым и Томским, Сталину удалось удержать на своей стороне Калинина и Ворошилова только угрозой порочащих разоблачений»².

¹ Троцкий Л. За стенами Кремля // Бюл. оппозиции. 1938. Дек. № 72. С. 9–10. [Париж].

² Троцкий Л. За стенами Кремля // Бюл. оппозиции. 1938. Дек. № 72. С. 12. [Париж]

Как способ, гарантирующий политику полной послушности подчиненных, эта «технология власти» достаточно широко распространена. Группа секретных осведомителей Сталина могла быть очень небольшой. Важным для такой группы был доступ к любым архивам, что давало возможность для сбора информации среди обслуживающего персонала кремлевской элиты и работников охраны этой же элиты. По воспоминаниям бывшего личного секретаря Сталина Бориса Бажанова, бежавшего за границу через Туркестан и Персию в 1928 г., в 20-е гг. двое из личных секретарей-помощников Сталина, Григорий Каннер и Лев Мехлис, были главными организаторами этой осведомительной сети³. Каннер был расстрелян в 1937 г. Очевидно, он слишком много знал. Мехлис оставался доверенным Сталину человеком до смерти вождя, а в 1930–1937 гг. занимал ключевой для Сталина пост редактора «Правды». В последующем осведомительская сеть Сталина работала в основном через так называемый Секретный отдел ЦК, переименованный в Особый сектор ЦК в 1934 г. С 1930 по 1952 г. бессменным заведующим этим отделом был А. Н. Поскребышев. Он был одним из наиболее преданных Сталину людей, но и его преданность цементировалась шаткостью политического основания. Жена Поскребышева была арестована, так как являлась родной сестрой жены сына Троцкого. Самого Поскребышева «обеспечили» через НКВД новой женой. По линии НКВД Сталин получал интересующую его информацию через начальника своей личной охраны генерала Н. С. Власика, который одновременно был также и начальником охранной службы НКВД. Рядовые охранники и шоферы других членов Политбюро находились в подчинении у Власика. Он стал охранником Сталина еще со времен Гражданской войны. У Власика были проблемы и с женщинами, и с деньгами, но Сталин ему все прощал до 1952 г.

Ключевые фигуры в репрессивном аппарате Сталина – Генрих Ягода, Николай Ежов и Берия – также обладали достаточно «темным» прошлым (в период до 1920 г.) и моральными проблемами, которые в случае Ежова и Берии имели хорошо доказанный к настоящему времени характер сексуальных патологий. Сталин выдвинул этих людей на высшие посты в НКВД не потому, что он ничего об этом не знал, а потому, что понимал, что именно это сделает их послушными исполнителями любых преступных акций. По сравнению с их должностными преступлениями сексуальные не добавляли слишком много к сделанному по отношению к этим палачам историческому приговору. Выбор людей для организации массового террора не мог проводиться по моральным критериям. Такое же объяснение историки сталинских репрессий дают и полной послушности воле Сталина Генерального прокурора СССР в период террора Андрея Вышинского. Вышинский был до 1921 г. членом меньшевистской фракции в РСДРП. Он начал работу как юрист еще в 1913 г. и был прокурором-меньшевиком уже в период Временного правительства Керенского. Имелись сведения о том, что летом 1917 г. он выписывал в Москве ордера на аресты большевиков⁴. После победы большевиков в октябре 1917 г. было достаточно оснований для того, чтобы обвинить Вышинского в контрреволюционной деятельности. Однако Сталин, знавший Вышинского с 1908 г., когда они вместе оказались в бакинской тюрьме⁵, обеспечивал ему алиби. Такое же алиби Сталин обеспечивал и Берии по поводу его службы в контрразведке в независимом Азербайджане в 1918–1920 гг. Была создана легенда о том, что Берия был там в качестве секретного агента от большевиков бакинской организации.

20 мая 1940 г. два десятка боевиков, переодетых в полицейскую форму, пошли на штурм виллы Троцкого в пригороде Мехико. И хотя этот дом больше напоминал крепость, нападавшие смогли проникнуть внутрь. Спальня хозяина была изрешечена в клочья, но Троцкий с супругой скатились с кровати и забились в дальний угол, избежав смерти. Налет наделал много

³ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.; СПб.: Всемир. Слово, 1992.

⁴ Медведев П. К суду истории. Нью-Йорк; А. Кнопф, 1974. С. 601; *Medvedev Roy. Let History Judge. The Origin and Consequences of Stalinism.* New York: Columbia Univ. Press, 1989. P. 550.

⁵ Tucker Robert. Stalin in Power. New York; London; W.W. Norton, 1990. P. 77.

шума. Дело было взято под личный контроль президента Мексики. Выяснилось, что командовал террористами известный художник и убежденный сталинист Давид Альфаро Сикейрос.

На самом деле главным организатором нападения выступал чекист Леонид Эйтингон. В Москве он стоял во главе специального отдела, созданного для устранения Троцкого, и лично курировал акцию Сикейроса. Когда она провалилась, был использован запасной вариант. Уже давно в окружение Троцкого был введен Хайме Рамон Меркадер дель Рио. Первоначально его заданием был лишь план дома, но теперь Меркадеру пришлось сыграть главную роль. 20 августа он явился в кабинет Троцкого с просьбой посмотреть наброски статьи. Когда Лев Давыдович склонился над столом, Меркадер нанес свой исторический удар альпинистским ледорубом. Консилиум лучших врачей и срочная операция не помогли. 21 августа Лев Троцкий скончался.

* * *

В своей партии со Сталиным Троцкий получил смертельный мат. Он был сильной фигурой, но у противника оказалось слишком много пешек, причем одна из них с ледорубом. Сталин победил. Однако времени на торжество у него оставалось немного. Пройдет каких-то тринадцать лет, и сам «отец народов» будет жалким паралитиком лежать в луже собственной мочи, тщетно ожидая помощи от перепуганных и озлобленных соратников.

А. Авторханов в книге «Технология власти», изданной в 1976 г., ссылаясь на слухи и неидентифицированные источники, приводит некоторые детали подобного морального шантажа, которые обеспечивали Сталину «преданность» некоторых высших партийных и государственных чиновников. Согласно этим данным, Андрей Андреев, верный Сталину член Политбюро с 1926 по 1952 г. (в 1926–1932 гг. кандидат в члены ПБ), до 1917 г. был меньшевиком и «оборонцем» (т. е. поддерживал участие России в войне), а после революции был уличен в растрате денег одного из профсоюзов⁶.

Для наиболее близких к Сталину в 1952 г. членов Политбюро, Маленкова, Берии и Хрущева, не могла быть секретом эта технология создания полной лояльности вождю. Они сами были прочно привязаны к нему мафиозным принципом круговой поруки и тайными «досье», которые, в чем они были уверены, имелись в распоряжении Сталина. Берия в период его работы в НКВД Грузии и в НКВД СССР сам участвовал в обеспечении Сталина подобной информацией. Маленков, бывший в 1934–1939 гг. заведующим отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), также по характеру своей работы должен был не только формировать подобные «досье», но и активно использовать их для решения судьбы того или иного ответственного работника. Маленков в этот период не был ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б), но его роль в репрессиях 30-х гг. была ключевой. Сталин наделил Маленкова в этот период чрезвычайными правами, и он часто вместе с Ежовым составлял планы репрессивных кампаний в республиках и областях СССР. Маленков был как бы представителем партийного аппарата в НКВД. После войны именно Маленков и Берия организовали в 1949–1950 гг. репрессивные кампании в Ленинграде и в Москве, завершившиеся физической ликвидацией члена Политбюро Н. А. Вознесенского, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова и большого числа ответственных партийных работников Ленинграда. Хрущев также был не пассивным, а активным участником репрессивных кампаний 30-х и 40-х гг. В 1935–1938 гг. он руководил репрессиями в Москве и, как первый секретарь МК и МГК, был членом «московской тройки», утверждавшей смертные приговоры по представлениям НКВД. После назначения на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины в 1938 г. Хрущев руководил репрессивными кампаниями и депортациями из западных областей Украины, присоединенных к СССР в 1939 г. Борьба с украинским национализмом была особенно беспощадной в 1944–1949 гг. Напутствуя его,

⁶ Авторханов А. Технология власти. М.; Франкфурт: Посев, 1976. С. 208.

Сталин предложил: «Подбери себе людей в помощь». В своих воспоминаниях Никита Сергеевич писал, что в Украине к этому времени словно Мамай прошел. Не было ни одного секретаря обкома или председателя облисполкома и даже отсутствовал председатель Совнаркома. Не было заведующих отделами обкомов и горкомов партии. В ЦК Компартии Украины тоже не было ни одного заведующего отделом: все сидели в тюрьме или были расстреляны. Вот такую картину встретил новый руководитель большевиков Украины.

Правда, в своих мемуарах тот самый Хрущев, который потряс весь мир своим докладом о преступлениях Сталина на XX съезде КПСС, умолчал о том, что вскоре после приезда в Киев отправил Сталину телеграмму с просьбой разрешить расстрелять еще 20 тыс. человек.

Приехавшие с новым секретарем ЦК были расставлены на ключевых постах – Бурмистенко стал вторым секретарем ЦК, Коротченко – председателем Совнаркома, Успенский – наркомом внутренних дел, Сердюк – секретарем Киевского обкома. Встал вопрос о кандидатуре на пост первого секретаря Днепропетровского обкома. Этот регион играл важную политическую и экономическую роль. Хрущев попросил Сталина направить туда Семена Задионченко, работавшего в то время и. о. председателя Совнаркома Российской Федерации. «Это человек проверенный, – говорил Сталину Никита Сергеевич, – энергичный, опытный – такой подойдет». Сталин тоже знал Задионченко и выразил свое согласие: «А что? Он будет хорошим секретарем обкома. Давайте его возьмем, он там в Совнаркоме занимается только дублированием постановлений Совнаркома СССР». Так Семен Задионченко оказался в кресле первого секретаря Днепропетровского обкома, затем вошел в состав Политбюро Компартии Украины. Характеризуя его деятельность в своих воспоминаниях, Хрущев писал: «Задионченко работал в Днепропетровске хорошо, справлялся с делом. Он умный человек, отличный организатор, непоседа, не кабинетный по характеру работник».

Однако вскоре произошел такой случай. В Одессе проходила областная партийная конференция. На ней присутствовал председатель Совнаркома республики Демьян Коротченко. Возвратившись в Киев, он рассказал Хрущеву о своих впечатлениях от поездки и поведал о таком эпизоде. В перерыве к нему подошел какой-то делегат конференции и спросил: «Как поживает мой дядя?» Коротченко не понял: «Какой дядя, кто дядя?» Тот отвечает: «Задионченко – мой дядя». Посмотрел Коротченко на этого человека – внешне очень похож на еврея. Задионченко же украинец, какое может быть кровное родство? «Задионченко – мой дядя, – повторил делегат, – передайте ему привет». «Фамилия того человека была Зайончик», – продолжал свой рассказ Хрущеву Демьян Коротченко.

Хрущев в своих воспоминаниях писал: «В то время происходило бурное разыскивание всяких родословных, чтобы не затесались в наши ряды какие-то враги. Я и сказал: “Лучше всего спросим у самого Задионченко”, и попросил Бурмистенко побеседовать с ним. Они старые знакомые. Поговорит и скажет, что мы просим откровенно обо всем рассказать».

Бурмистенко вызвал попавшего под подозрение секретаря обкома. Однако тот настойчиво доказывал, что он именно Задионченко, украинец, никакого племянника Зайончика у него в Одессе нет. Предоставим опять слово Хрущеву: «Тогда мы посчитали своим долгом выяснить, чтобы не оказаться в дураках; мы вовсе не считали, что это какая-то клевета. Ведь Зайончик гордился дядей и передавал ему привет». Для выяснения всех обстоятельств Хрущев привлек НКВД. Впрочем, чекисты еще раньше подключились, ибо обо всех событиях узнавали, как правило, первыми.

НКВД не потребовалось больших усилий, чтобы установить истину и расследовать некоторые факты из биографии первого секретаря Днепропетровского обкома партии. Вскоре нарком внутренних дел Украины Успенский представил Хрущеву детальную справку, в которой сообщалось: Задионченко родился в 1898 г. в местечке Ржищев Киевской губернии в еврейской семье. Отец его был кустарем-жестянщиком, мать работала на табачной фабрике в Кременчуге, куда семья переехала. Отец вскоре умер, через некоторое время мать забо-

лела туберкулезом и тоже умерла. Задионченко – тогда Шимона Зайончика – приютила семья ремесленника, которая и без него бедствовала, жила в крайней нищете. Подросток был предоставлен сам себе, рос на улице, там же и воспитывался. Кормился за счет того, что находились добрые люди, которые жалели бедного сироту. В шестнадцать лет поступил работать на табачную фабрику, где когда-то трудилась его мать. Революция и Гражданская война не прошли мимо Шимона. Как-то через Кременчуг проходил кавалерийский полк Красной армии, и Шимон примкнул к этой части. Он проявил себя смелым бойцом. В полку в основном служили украинцы, и Шимон решил тоже стать украинцем. В 1919 г. он вступил в РКП(б), при этом назвался Семеном Борисовичем Задионченко. Так исчез еврей Шимон Зайончик, а взамен появился украинец, член Коммунистической партии Семен Задионченко.

После Гражданской войны Семен учился, работал, медленно, но верно продвигался по служебной лестнице. Он прошел все стадии партийной карьеры – инструктор, заводделом райкома партии. В 1936 г. стал секретарем Бауманского райкома ВКП(б) Москвы. В столице Задионченко еще в 1931 г. близко познакомился с Хрущевым, когда тот был секретарем Бауманского райкома, Задионченко там заведовал отделом. Никита Сергеевич во многом способствовал его успешной карьере.

Но вернемся опять в 1938 г. Хрущев вызвал к себе первого секретаря Днепропетровского обкома и сообщил ему:

– Товарищ Задионченко! Товарищ Бурмистенко беседовал с вами, вы все отрицали, а теперь мы сами все узнали. Помог НКВД. Зачем вы сами себе вредите? Нет никакой нужды скрывать свое прошлое.

И, по рассказу Хрущева, Задионченко просто стал рыдать. Потом он сказал:

– Да, я не имел мужества рассказать правду сразу же. А теперь не знаю, что со мной будет. Раскаиваюсь, что скрыл эти факты из своей биографии, но никакого злого умысла я, конечно, не имел. Скрыл, потому что уже много лет ношу фамилию Задионченко, и даже моя жена не знает, что я еврей.

Выслушав это объяснение, Хрущев сказал:

– Давно надо было все рассказать, а сейчас сложнее. К этому делу подключился НКВД. Именно отсюда мы получаем документы. Возвращайтесь в Днепропетровск, работайте, никому ничего не говорите, даже своей жене, а я доложу в ЦК.

Хрущев позвонил Маленкову, который ведал в ЦК кадрами и хорошо знал Задионченко, довольно часто общался с ним. Маленков сказал: «Надо доложить товарищу Сталину. Когда появишься в Москве, сам это сделай».

Однако Успенский, нарком внутренних дел Украины, успел уже сообщить Ежову о возникшем деле Задионченко во всех подробностях. Когда Хрущев приехал в Москву, Маленков ему сообщил: «Имей в виду, что Задионченко, по-твоему, еврей, а Ежов говорит, что он поляк». Тогда как раз было время охоты на поляков: в каждом из них видели агента вражеской разведки. По словам Хрущева, он на это ответил: «Ну как же можно так говорить? Я теперь точно знаю, что он еврей. Мы даже знаем синагогу, где совершался еврейский религиозный обряд после его рождения».

Никиту Сергеевича принял Сталин. Вождь уже был осведомлен о возникшем «деле Задионченко». Вот как Хрущев описывает реакцию Сталина: «“Дурак, – сказал Сталин, – надо было самому сообщить: ничего бы не случилось. Вы не сомневайтесь в его честности?” Отвечаю: “Конечно, не сомневаюсь. Он честный коммунист, преданный партии. Теперь пытаются сделать из него польского шпиона”. – “Пошлите их к черту, – сказал Сталин, – защищайте его”. Отвечаю: “Буду защищать с вашей помощью”».

Далее Хрущев сокрушается и пишет в своих мемуарах: «Из-за такой смены фамилии чуть не произошла беда с преданным партийцем. Не знаю, зачем он менял фамилию? Может

быть, красноармейцы подшучивали над ним как еврейским мальчиком, а он хотел избавиться от этих неприятных шуток».

Как это ни странно, но «разоблачение» Задионченко осталось без последствий. Он тогда был чуть ли не единственным евреем в высшем эшелоне партийного руководства: на постах первых секретарей обкомов к концу 1937 г. практически не осталось евреев: всех уничтожили. Возможно, тогда Сталину, в душе которого всегда сидел антисемит, понравилось, что Шимон Зайончик «выписался» из евреев и «приписался» к украинцам. Задионченко остался на своем посту. Более того, на XVIII съезде партии был избран членом ЦК. В то время состав Центрального комитета был довольно ограничен, в него не вошли даже некоторые первые секретари ЦК республик.

Так что карьера Семена Задионченко успешно продолжалась. Именно он «запустил на партийную орбиту» будущего генсека Леонида Брежнева. Как-то во время посещения Днепро-дзержинска первый секретарь обкома заметил молодого и энергичного заместителя председателя горсовета. Он тут же предложил Брежневу перейти на работу в обком заведующим одним из отделов. В феврале 1939 г. Брежнева по предложению Задионченко утверждают секретарем обкома по пропаганде, а затем третьим секретарем.

Когда началась Великая Отечественная война, Задионченко уходит в армию. Его назначают членом Военного совета Южного фронта. Вместе с ним Брежнев – заместитель начальника политуправления этого фронта. Однако на фронте Задионченко пробыл недолго. Сталин довольно высоко оценивал его способности организатора производства, умеющего вникать в детали и вместе с тем решать сложные хозяйственные проблемы. С декабря 1941 г. С. Задионченко – первый секретарь Башкирского обкома партии. На территории этой автономной республики размещаются многие эвакуированные с запада предприятия, в том числе авиационные заводы, предприятия по производству вооружений, строятся нефтеперерабатывающие заводы. В такой сложной обстановке в полной мере проявились организаторские качества Задионченко. Работая в Башкирии, а с января 1943 г. – первым секретарем Кемеровского обкома, он успешно выполняет многие задания Государственного комитета обороны по расширению производства военной продукции. После войны Задионченко переводят на работу в Москву инспектором ЦК ВКП(б). У него устанавливаются дружеские отношения со многими высшими партийными функционерами, ему протектирует Маленков, с которым Задионченко теперь постоянно общается. Неоднократно по конкретным вопросам он докладывает на заседаниях Политбюро и Оргбюро ЦК, а бывало – и лично Сталину.

В 1949 г. в разгар антисемитской компании, проходившей под флагом «борьбы с космополитизмом», естественно, вспомнили, что в самом ЦК сидит еврей, который пожелал числиться украинцем. Задионченко удаляют из аппарата ЦК, правда, назначают на довольно высокий пост первого заместителя министра заготовок СССР.

В 1951 г. по ходатайству Маленкова и с санкции Сталина Задионченко снова возвращают в аппарат Центрального комитета партии: помогают старые связи, высокие деловые качества, а главное – умение приспособиться к жестоким реалиям высшей партноменклатуры. Некоторых «руководящих евреев», поменявших свою национальность в документах, в этот период разгара антисемитизма подвергли жестоким наказаниям. Так, директор Московского завода малолитражных машин А. М. Баранов с позором был снят с работы. Его обвинили в том, что начиная с 1919 г. он скрывал свою национальность и «незаконно» именовал себя вместо Абрама Моисеевича Алексеем Михайловичем.

Задионченко не трогают: он лично известен вождю, и Сталин его ценит. В аппарате ЦК он «единственный ответственный работник еврейского происхождения, хотя и отрекшийся от этого». И конечно, чувствует себя Задионченко не очень уютно: антисемитский шабаш набирает все новые обороты. Однако он высидел, выстоял, дождался лучших, во всяком случае более спокойных, для него времен. После смерти Сталина ситуация в стране стабилизирова-

лась. Правда, антисемиты, которыми буквально кишел ЦК, не угомонились. Пытаются и без вождя проводить его «генеральную линию». И Задионченко часто ощущает это на себе. Однако новый первый секретарь ЦК Хрущев относится к нему благосклонно, и Семен продолжает работать в центральном партийном аппарате.

В феврале 1956 г. секретарем ЦК КПСС становится выдвиженец Задионченко Леонид Брежнев, который у Хрущева в особом фаворе. На первых порах Брежнев часто приглашает Задионченко к себе, советуется по многим вопросам. Отличительной особенностью Леонида Ильича было то, что друзей своих он всегда помнил, не оставлял без поддержки. Задионченко никогда не был его близким другом, но все же Брежнев не забывал, что именно ему он обязан успешным началом своей карьеры. В 1958 г. Семен Борисович отметил свое 60-летие. Его поздравили Хрущев и Брежнев, наградили в связи с юбилеем орденом. Однако вскоре после юбилея Задионченко покидает ЦК, переходит на работу в Совет Министров РСФСР.

В 1972 г. Семен Борисович скончался. Под опубликованным в газетах некрологом стояли подписи Брежнева и других партийных руководителей⁷.

⁷ *Тельман Иосиф*. Карьера Шимона Зайончика. Еврей, открывший Леонида Брежнева. «Еврейская газета», № 6 (130), июнь, 2013.

Операция «Философским паромом»

По словам главы Управления регистрации Архивного фонда ФСБ России В. Христофорова, в силу ряда обстоятельств этот исторический факт до настоящего времени остается своеобразной *terra incognita* в истории русской культуры XX в. Этим объясняется издание лишь в 2005 г. книги «Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ, 1921–1923», которая сопровождается соответствующими комментариями.

«К интеллигенции я симпатии не питаю»

В 1921–1922 гг. аресты, высылки и расстрелы политических противников большевиков стали обычным делом. К числу своих противников те относили не только меньшевиков, эсеров и т. п., но и многих представителей интеллигенции. Любопытно признание, сделанное Лениным в 1921 г., в беседе с художником Ю. Анненковым, работавшим над портретом вождя: «Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать неграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая».

В мае 1921 г. в важнейших центральных учреждениях составлялись досье на каждого «антисоветского элемента» и те или иные «контрреволюционные» явления. Были созданы «бюро содействия ГПУ» (БС). Их деятельность проходила в обстановке строгой секретности, и вся информация о ней концентрировалась в спецотделе ГПУ. К августу 1922 г. БС работали в 45 учреждениях, куда были направлены специальные инструкции.

Идею высылки представителей оппозиции за границу выдвинул Ленин, ознакомившись со статьей экономиста Бруцкуса в петроградском журнале «Экономист». В ней автор предрекал крушение социалистической экономики и предлагал меры по ее преобразованию в связи с введением НЭПа. Ленин почему-то увидел в этом дельном предложении угрозу НЭПу и 19 мая 1922 г. в письме Дзержинскому назвал журнал «явным центром белогвардейцев», уточнив: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих военных шпионов изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». Помнится, авторы вузовских учебников истории КПСС отмечали, что после Гражданской войны началось масштабное воплощение в жизнь философских идей марксизма-ленинизма, и в качестве примера называли статью Ленина «О значении воинствующего материализма», написанную в марте 1922 г.

Но почему-то обходили молчанием тот факт, что в этой работе, по сути, была сформулирована идея «вежливенько препроводить» за рубеж кое-кого из «духовной элиты».

27 марта 1922 г. в политическом отчете XI съезду РКП(б) Ленин подчеркивал: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением партии преследовалась, достигнута... Теперь цель выдвигается другая – перегруппировка сил». Частью этой перегруппировки и было изгнание из страны представителей интеллигенции, не одобрявших большевистского террора. Разумеется, эти мероприятия Ленин планировал и осуществлял не один: он опирался на партийно-государственный аппарат и своих ближайших сподвижников – Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сталина, Калинина. Особая роль отводилась ГПУ – Дзержинскому, Менжинскому, Уншлихту, Дерибасу, Манцеву, Ягоде. Сегодня по-новому воспринимаются указания Ленина о дополнениях к Уголовному кодексу и его записка, адресованная наркому юстиции Д. Курскому: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа на (срок или бессрочно)» и «Добавить: расстрел за неразрешенное возмущение из-за границы».

Спустя некоторое время Ленин направляет Железному Феликсу письмо, в котором разъясняет, какую подготовительную работу к изгнанию интеллигенции следует провести карательным органам. Помимо ряда указаний, касавшихся сотрудников ВЧК и отдельных литераторов-коммунистов, в письме содержалось требование поручить систематический сбор сведений о политической платформе и деятельности профессоров и писателей «толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ».

Этим человеком – «продавцом билетов» на «философский пароход» – стал чекист Я. С. Агранов, надзиравший за искусством и назначенный начальником Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции. Как отмечает автор книги «Рассекреченный Ленин» А. Паташев, можно предположить, что именно вышеупомянутое ленинское письмо положило начало сбору на Лубянке досье на каждого свободомыслящего интеллигента, которого следовало рассматривать как «пособника Антанты».

Вожди дали отмашку на шельмование «кандидатов на высылку» большевистскими публицистами и прочими борзописцами, выслуживавшимися перед властью. Высланный петроградский журналист Н. Волковыский вспоминал: «Сегодня на безбожном фронте ругали философа Н. О. Лосского, завтра – на хозяйственном – Б. Д. Бруцкуса, послезавтра – на идеолого-публицистическом – А. С. Изгоева или А. Б. Петрищева... Рубилось с плеча, доносилось – от всего продажного сердца». 2 июля 1922 г. «Правда» опубликовала статью Л. Д. Троцкого под программным заголовком «Диктатура, где твой хлыст?». В ней Юлий Айхенваль, автор книги «Поэты и поэтессы», содержащей оценки поэмы Блока «Двенадцать», стихов Анны Ахматовой и расстрелянного Николая Гумилева, назывался «подколодным эстетом». Троцкий призывал «хлыстом диктатуры заставить айхельвальдов убраться... в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежали по праву со всей своей эстетикой и со своей религией». Это предложение вполне отвечало намерениям Ленина.

16 июля 1922 г. Ильич пишет письмо в ЦК с предложением арестовать и выслать без объяснения причин несколько сот представителей интеллигенции. На следующий день в письме Сталину Ленин упоминает А. Потресова, А. Изгоева-Ланде и всех сотрудников журнала «Экономист», В. Розанова («враг хитрый»), Н. Вигдорчика, Л. Радченко с дочерью («понаслышке злейшие враги большевизма»), Н. Рожкова («надо выслать: неисправим»), С. Франка («автор “Методологии меньшевизма”»). «Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго», – пишет Ленин.

Только в 1922 г. Политбюро около трех раз обсуждало вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции и меры по их депортации. В августе были проведены аресты и обыски в Москве, Петрограде, в Казани и на Украине. Темпы высылки тормозились лишь из-за болезни Ленина. 18 августа 1922 г. в секретариат председателя Совнаркома были переданы списки, утвержденные Политбюро. А в конце августа Ленин пишет заместителю начальника ГПУ И. Уншлихту записку с просьбой вернуть ему бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто и почему избавлен от высылки. Вождь постоянно следил за ходом подготовки высылки интеллигенции. Статс-секретарь ФСБ России Владимир Шульц утверждает: «Высылка интеллигенции в 1922 г. из Советской России была не акцией Политбюро ЦК и ГПУ, а акцией Политбюро, выполненной силами ГПУ, которое было инструментом в руках партии в борьбе с теми, кого посчитали инакомыслящими».

«Безымянная» элита

Чтобы принизить авторитет высылаемых и умалить значимость совершенной акции, в «Правде» было сообщено о том, что среди высылаемых наиболее активных контрреволюционных элементов – профессуры, врачей, агрономов, литераторов – почти нет крупных научных имен. Это было ложью.

В. Костиков, автор книги «Не будем проклипать изгнание», отмечает характерную деталь в судьбе изгнанников: «В отличие от писателей, известность которых фактически не выходила за круг эмиграции, работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа – они сделались величинами мирового масштаба, а русская философская мысль благодаря их трудам стала частью культуры человечества».

Только на пароходе «Oberbürgermeister Naken», отплывшем 29 сентября из Петрограда, среди пассажиров были философы Н. Бердяев, В. Франк, И. Ильин, С. Трубецкой, Б. Вышеславцев, А. Кизеветтер, М. Ильин (Осоргин), А. Угримов, В. Зворыкин. 19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь отправились представители украинской интеллигенции историк А. В. Флоровский и физиолог Б. П. Бабкин. 16 ноября 1922 г. из Петрограда отплыл пароход «Preussen», на котором в изгнание отправились Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, академик Н. Котляревский, профессора Ф. Левинсон-Лессинг и М. Кирпичев, математик Д. Селиванов. 3 декабря 1922 г. в Берлин прибыли 60 человек, депортированных из Грузии. Высылки проводились также пароходами из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы – в Латвию и Германию. М. Г. Главацкий, автор книги «“Философский пароход”: год 1922-й», отвергает утверждение о том, что большинство высланных «на Западе принципиально нового не создали». На примере Н. Бердяева он доказывает обратное. Работы Бердяева были переведены на двадцать языков, а их общий список насчитывал пятьсот названий.

Значительны результаты научной работы почти всех пассажиров «философского парохода». Обруганный Троцким Юлий Айхенвальд, оказавшись в Берлине, читал лекции в Русском научном институте и вскоре был избран профессором этого института. Его приглашали периодические издания в качестве постоянного обозревателя литературного отдела. Узнав о безвременной смерти Юлия Айхенвальда (1928), Бунин в некрологе писал: «Вот и последний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... Что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни – он был таким».

Среди высланных в 1922 г. был Борис Осипович Харитон, отец одного из будущих создателей советской атомной и водородной бомбы Юлия Харитона. Сперва он редактировал в Берлине популярный журнал «Сполохи», с 1924 г. был в Риге редактором еврейской русскоязычной газеты «Народная мысль», затем до 1940 г. редактировал крупнейшую в Прибалтике вечернюю газету «Сегодня». Б. О. Харитон был редактором вышедших в Риге собраний сочинений Лермонтова, Толстого, Тургенева, Пушкина. В ноябре 1936 г. русская эмиграция отметила его 60-летие, а в 1940 г. Б. О. Харитон был арестован в Латвии органами НКВД СССР и осужден на семь лет лагерей. Знаменитый советский физик так и не узнал о судьбе своего отца.

Еще в 1921 г. президент Академии наук А. Карпинский предупреждал Ленина о пагубных последствиях для развития науки в России расправ с талантливыми учеными.

Максим Горький писал о последствиях высылки 1922 г.: «Страна, лишившись своей интеллигенции, двигается вспять».

Из книги В.В. Зеньковского «История русской философии» читатель узнает: «Когда власть в 1922 г. изгнала из России виднейших представителей религиозной и философской мысли (С. Булгаков, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, И. Ильин, С. Франк, Л. Карсавин, Н. Лосский), их философское творчество, затихшее в России, расцвело как раз в эмиграции, дав

целый ряд замечательных трудов... Философы, оставшиеся в России (Лопатин, скончавшийся от голода, Флоренский, сосланный в Сибирь, Шпет, отправленный в ссылку, замолчавший Лосев, судьба которого осталась неизвестной), сошли со сцены...»

Советская власть сочла необходимым подчеркнуть, что высылка интеллигенции является первым предупреждением инакомыслящим: большевики будут ценить лояльных представителей старой интеллигенции, но будут на корню пресекать любую попытку открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью. Параллельно с арестами и высылкой интеллигенции внимание властей было направлено и на студентов вузов: были приняты новые правила приема в высшие учебные заведения, ужесточены требования к социальному происхождению абитуриентов. Аресты не миновали и студенческую среду.

Подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа 1922 г. завеса была приоткрыта. В интервью, данном американской журналистке Луизе Брайант, вдове автора известной книги «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида, Лев Троцкий объяснил: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений – а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены – все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага, и мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Говоря это, «демон революции» вряд ли мог предвидеть, что в 1929 г. его также вышлют из страны.

Н. О. Лосский, автор «Истории русской философии», вспоминал: «На пароходе с нами находился отряд чекистов. Поэтому все чувствовали себя скованно и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта, когда пароход остановили и чекисты на лодках покинули корабль, уезжающие почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы все еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасались».

Уходящему – Синай, остающимся – Голгофа...

Ленинскую линию в отношении интеллигенции усвоил и по-своему углубил Сталин, физически уничтожая цвет отечественной науки и культуры. Чего стоил один лишь его постулат об обострении классовой борьбы при продвижении к социализму.

Показательно, что В. Христофоров, задаваясь вопросом о том, была бы доля изгнанников лучше, останься они на родине, однозначно отвечает: «Уверен, что нет». Жизненный путь многих оставшихся в СССР ученых, философов, литераторов закончился в тюрьмах и лагерях. А. Флоренский и Г. Шпет были расстреляны в 1937 г., А. Слесарев и Л. Карсавин скончались в лагерях. Н. Кондратьев, один из тех, кто должен был уехать, но остался, был арестован, подвергнут жестоким пыткам и расстрелян 17 сентября 1938 г. Этот скорбный список можно продолжить...

Показательна в этом плане судьба профессора Московского университета и Института народного хозяйства им. К. Маркса Михаила Соломоновича Фельдштейна (1884–1938). Первый раз правовед М. Фельдштейн был арестован в феврале 1920 г. по делу «Всероссийского национального центра». В августе военный трибунал признал его «виновным в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения советской власти путем вооруженного восстания» и приговорил к расстрелу, замененному позже пожизненным заключением. Вскоре Фельдштейна, однако, освободили. Но 16 августа 1922 г. он был арестован вновь. Его обвинили в том, что он «с Октябрьской революции до настоящего времени не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, а, наоборот, занимался антисоветской деятельностью». Постановлением Коллегии ГПУ от 21 августа 1922 г. Фельдштейн был приговорен к высылке за границу, которая, однако, была отменена по его просьбе.

В 1922–1927 гг. М. С. Фельдштейн – сотрудник иностранного отдела ВСНХ, помощник редактора журналов «Советская торговля» и «Вопросы торговли». В третий раз его арестовали 26 ноября 1927 г. по обвинению в связях с сотрудниками иностранных миссий. Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 декабря 1927 г. Фельдштейн был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде из Москвы. 22 мая 1932 г. дело в отношении него было прекращено, и он работал научным консультантом. 26 июля 1938 г. Фельдштейн был арестован в четвертый раз по обвинению в том, что «с 1921 г. до дня ареста являлся одним из руководителей подпольной кадетской организации в Москве», а также в том, что «вел на территории СССР разведывательную работу в пользу Германии». 20 февраля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. В 1957 г. определением Верховного суда СССР дело в отношении М. С. Фельдштейна было прекращено за отсутствием состава преступления, он был реабилитирован посмертно. Но и тогда об этом никто, кроме ближайших родственников, не узнал. Во всяком случае, в изданной в 1997 г. «Российско-еврейской энциклопедии» Фельдштейну посвящены 10 строк, доведенных до 1921 г. Дальше не решились.

Известно, что высланный в 1922 г. видный экономист Б. Д. Бруцкус эмигрировал из Парижа в Палестину, где читал лекции в Иерусалиме. В 1923 г. в Берлине он издал книгу, в предисловии к которой писал: «Строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация; его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя; его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно придется строить, ибо социалистический строй есть мера, в погоне за которой можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти...»

Бруцкус умер в 1938 г., успев написать о том, что оправдались его самые худшие опасения относительно коммунистического государства и созданной им социально-экономической системы.

Философ С. Франк поселился в Берлине, где стал доцентом и до 1932 г. был лектором Религиозно-философской академии, основанной Бердяевым. Приход нацистов к власти в Германии вынудил его с женой и сыном переехать в 1937 г. во Францию. Они пережили оккупацию в небольшом городке на юге этой страны. В ноябре 1945 г. Франк уехал к дочери в Англию, где и скончался в 1950 г.

Тема изгнания интеллигенции из Советской России и поныне продолжает интересовать как российских, так и зарубежных исследователей. В декабре 2002 г. на проходившей в Москве конференции «120 лет еврейской эмиграции» историк Вадим Телицын сделал доклад на тему «Судьбы евреев – пассажиров “философского парохода”». В 2003 г. в Санкт-Петербурге на набережной Лейтенанта Шмидта был установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 г. отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки». В 2007 г. был учрежден Международный кинофестиваль «Русское зарубежье», главным призом которого стало скульптурное изображение «философского парохода» работы Галины Шилиной⁸.

⁸ *Семен Киперман*. Выбор новой Россией приоритетов своего развития заставляет вспомнить о событиях 90-летней давности. «Еврейская газета», 2012. № 12, декабрь.

Коминтерн и его наследники

Большевики поделили человечество на «своих» и «чужих». «Своими» были фанатики идеи, верные ленинцы, «чужими» – остальные. Но были еще так называемые идиоты. «Полезные» служили режиму, от «беспольных» избавлялись: сажали в ГУЛАГ, высылали из страны. «Более полезные» выбивались в элиту, «менее полезные» выпадали в «осадо́к», становились диссидентами и, в конце концов, разделяли участь «беспольных». Профессоров и писателей, не приносящих выгоды режиму, Ленин объявил пособниками Антанты, шпионами и растлителями молодежи с вытекающими из этого последствиями. Для коммунистов мир делится на два лагеря. «Всё дозволено в отношении к лагерю враждебному», – отмечал другой русский философ Николай Бердяев.

Даже полезному пролетарскому писателю Горькому не простили, что вскоре после революции он понял: «Ленин, Троцкий и другие вожди отравились гнилым ядом власти и будут подавлять свободу слова и личности».

Союз интеллигентов-марксистов с «лицами унылыми и постными от умственного голода» (по Мережковскому) и босяков-безбожников принес с собой тот новый порядок – мертвый позитивизм казенщины, паралич церкви и диктатуру босячества, – который вскоре назвали социалистическим строем, государством рабочих и крестьян.

«Полезные идиоты» из среды дооктябрьской немарксистской интеллигенции, прошедшей школу революционной демократии Чернышевского, который считал икону вредной, а красоту лишней, поверили в созидательный характер большевистского разрушительства. Это они травили Достоевского как реакционера и поднимали на щит реалистов-передвижников. Они составили несколько поколений конформистов.

Ленин по сути дела первым по-настоящему оценил скрытые возможности дезинформации. Держать в неведении значило держать в страхе, а страх помогал удерживать власть. Большевики научились так ловко посылать по всем направлениям розы ветров искаженную информацию о Стране Советов, что она, многократно отражаясь зеркалами «правдивых» средств массовой информации Запада, возвращалась и поражала бумерангом собственных сограждан, заставляя их принимать тоталитарную систему за светлое царство социальной справедливости, окруженное врагами капиталистами.

Советский режим разработал собственную технологию тотальной дезинформации. Она помогала дестабилизировать политические режимы в соседних странах, влиять на происходящие там политические процессы, заставлять Запад идти на уступки.

Преимущественное внимание уделялось Германии, особенно ее социал-демократическому движению. Оно постоянно находилось в поле зрения советских спецслужб. Ленин воевал с ренегатами по отдельности, обращая мощный пыл полемики то на Шейдемана, то на Каутского. Сталин решил разделаться с ними скопом, пустив в обращение термин «социал-предатели» и поставив тавро «социал-фашистов» на всей СДПГ, причем совершил эту историческую расправу руками немецких коммунистов, чем облегчил нацистам легальный захват власти. Новую линию партии вождь определил в сентябре 1924 г.:

«Фашизм – это боевая организация буржуазии, которая опирается на поддержку социал-демократии. Фашизм и социал-демократия не исключают друг друга; это не антиподы, а близнецы-братья».

Поскольку дискредитация СДПГ исторически не удалась, восточные спецслужбы попытались использовать в своих целях массовость социал-демократического движения на Западе. Они не отказались и от подрывных действий, поддерживая коммунистические и другие экстремистские группировки в целях дестабилизации этого движения слева и справа. В соответствии с требованиями момента делался акцент то на буржуазном характере социал-демократизма,

то на совпадении его политики с интересами коммунистических и рабочих партий. Вокруг лидеров СДПГ плелись интриги, чтобы скомпрометировать их либо... помочь им победить на выборах.

Особое место в расколе единства в рядах рабочего движения принадлежит Коминтерну и руководству Советской России, а также в организации социалистической революции в Германии, которая стала одной из главных причин прихода к власти Адольфа Гитлера.

Современному читателю, если он не интересовался вопросами международного коммунистического движения, название Коминтерн мало что говорит. Поэтому вначале следует дать некоторые объяснения.

Коминтерн – так сокращенно назывался Международный союз коммунистических партий разных стран. Коммунистический интернационал был основан левыми партиями по инициативе В. Ленина в 1919 г. Для развития и распространения идей пролетарской революции. В разгар Второй мировой войны, в 1943 г., он был распущен.

Руководящим органом Коминтерна был периодически созываемый конгресс. Всего за время существования Коминтерна состоялось семь конгрессов. В период между конгрессами руководство Коминтерном осуществлял Исполнительный комитет (ИККИ). В разное время ИККИ возглавляли: Г. Зиновьев (1919–1926), Н. Бухарин (1926–1928), Г. Дмитров (1934–1943). Фактическое руководство Коминтерном осуществляли сначала В. Ленин, а затем И. Сталин.

Организационная структура Коминтерна полностью повторяла организационную структуру Российской коммунистической партии (большевиков) РКП(б).

Свою деятельность Коминтерн осуществлял через входящие в него коммунистические партии, а также через свои международные организации: Международную организацию помощи революционерам (МОПР), Интернационал красных профсоюзов (Профинтерн), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) и ряд других.

С помощью этих организаций ИККИ осуществлял подготовку вооруженных выступлений пролетариата в различных странах, а также разведывательную деятельность в пользу СССР

Важнейшей стороной деятельности Коминтерна являлась борьба с социал-демократическими партиями и движениями, которые, в свою очередь, создали в мае 1923 г. Единый рабочий социалистический интернационал (Социнтерн). В оценке кризиса капитализма социал-демократы тех лет мало чем отличались от коммунистов, но были противниками революций и отвергали диктатуру пролетариата.

В 1924 г. сначала Г. Зиновьев, а потом И. Сталин охарактеризовали социал-демократию как «крыло фашизма». Среди коммунистов, с легкой руки Зиновьева, получил распространение термин «социал-фашизм». Сталин неоднократно подчеркивал, что нужна «не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней».

С начала развития левой социал-демократии (большевизма) лидеры этого движения делали упор на пролетарскую революцию в Германии. Большевики-ленинцы считали, что революция в Россию придет через революции в наиболее промышленно развитых странах, на первое место среди них они ставили Германию. В конце XIX – начале XX в. это была страна с наиболее организованным рабочим классом, с самой многочисленной и авторитетной социал-демократической партией. В своих работах, написанных в начале Первой мировой войны, В. Ленин призывал к поражению России в войне и созданию условий для революции сначала в Германии, а затем в России.

Февральская революция в России и предложение, сделанное Ленину напрямую от имени германского правительства, об организации свержения в России существующего строя изменили взгляды Ленина, большевики перешли к подготовке и осуществлению пролетарской революции в России.

После Октябрьского переворота большевистские лидеры не оставили планы организации пролетарской революции в Германии и других странах Европы. В апреле 1918 г. В. Ленин писал:

«Победоносная пролетарская революция в Германии сразу с громадной легкостью разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали...), осуществила бы победу мирового социализма, наверняка без трудностей или с легкими трудностями...»

Для реализации этих планов значительная часть средств, полученных от германского правительства на осуществление революции в России, была направлена на подготовку революции в Германии.

Выступление моряков в Киле и все последующие события, произошедшие в Германии, являются прямым следствием действий правительства Советской России. Поражение левых экстремистских сил и создание демократического правительства Германии не убедило большевиков в необходимости пересмотра своих позиций по экспорту революции.

По решению ИККИ ЦК компартии Германии принял решение начать немедленную подготовку антиправительственной акции, способной «заставить массы прийти в движение». Воспользовавшись приказом обер-президента Саксонии Отто Герзинга о введении полиции на предприятия округа Галле-Мерзебург, а также объявлением осадного положения в Гамбурге, коммунисты попытались развернуть широкомасштабные действия, призвав 24 марта 1921 г. к общегерманской забастовке. Однако широкой поддержки немецкого народа это движение не получило и к 1 апреля полностью заглохло.

Германия, униженная и ограбленная в результате поражения в Первой мировой войне, стала естественным союзником Советской России, существование которой не признавали большинство государств мира.

16 апреля 1922 г. в итальянском городе Рапалло СССР и Германия подписали договор об установлении дипломатических отношений. Секретная часть договора предусматривала использование советской территории для модернизации германской армии. Германское военное командование получило возможность осуществлять на территории и на предприятиях СССР то, что было запрещено Германией Версальским договором: например, выпускать вооружение (часть его поставлялось Красной армии), готовить летчиков и танкистов и т. д.

Казалось, в этой ситуации следовало бы прекратить подрывную деятельность против дружественной страны, но в Советском Союзе сотрудничество и подрывная деятельность удивительным образом всегда совмещались. Организация революционных выступлений в Германии и других странах Европы была поручена Коминтерну, который формально являлся неправительственной организацией, а значит, советскому правительству подчинен не был.

После перехода большевиков к новой экономической политике началась корректировка взглядов руководства Коминтерна на ситуацию в мире. Осознание необходимости уступок рыночным отношениям в России во многом явилось констатацией слабости революционной волны на Западе:

«В международном положении нашей республики, – отмечал Ленин, – политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые веля между собой открытую борьбу с оружием в руках за господство того или другого руководящего класса, – равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и советской Россией – с другой...»

Ленин был вынужден признать, что: «Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали...»

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Германии летом 1923 г. воскресило в Москве надежду на близкую победу мировой революции. Для нелегальной деятельности в Гер-

манию выехала большая группа партийных и военных работников, в том числе выпускники Военной академии РККА. Они закладывали базы с оружием, готовили боевые отряды, обучали военному делу активистов местных организаций германской компартии. В октябре в Германию для координации революционной работы прибыли Карл Радек, Георгий Пятаков и Василий Шмидт. Назначили даже ориентировочную дату восстания – 9 ноября 1923 г.

Однако бурная подготовка германского «Великого Октября» обернулась мыльным пузырем, лопнувшим без особых брызг. Руководство КПГ во главе с Генрихом Брандлером, опасаясь изоляции, в последний момент не решилось подтвердить сигнал к выступлению. Только коммунисты Гамбурга, не зная об отмене приказа, 23 октября совершили попытку овладеть городом. Выступление было подавлено войсками.

8 ноября 1923 г. в Мюнхене начался путч (подавленный, впрочем, уже на следующий день), который инициировала организация правого толка. Она называлась Немецкая национал-социалистическая рабочая партия (NSDAP), и ее возглавлял мало кому известный человек, носивший псевдоним Гитлер.

В результате событий 1923 г. деятельность компартии была запрещена на всей территории Германии. В создавшейся ситуации Коминтерн был вынужден перейти к новой тактике революционной борьбы.

Начавшийся в Германии процесс стабилизации, а затем и бурного роста экономики также требовал изменения подхода в отношениях с Германией.

Раскол рабочего движения и приход к власти нацистов

В 1925 г. компартия Германии вновь перешла на легальное положение, и Коминтерн поставил перед ней новые задачи. 8 марта 1926 г., выступая на пленуме ИККИ, И. Сталин сказал:

– В чем состоит задача компартии Германии? В том, чтобы проложить дорогу к социал-демократически настроенным рабочим массам, заблудившимся в дебрях социал-демократической неразберихи, и завоевать таким образом большинство рабочего класса на сторону компартии... Тут возможны два метода подхода к рабочим массам. Один метод специфически-интеллигентский, метод подхлестывания рабочих, метод «завоевания» рабочих, так сказать, с хлыстом в руках. Нечего и доказывать, что этот метод не имеет ничего общего с методом коммунизма, ибо он не привлекает, а лишь отталкивает рабочих. Другой метод состоит в том, чтобы найти общий язык с заблудившимися братьями, оказавшимися в лагере социал-демократов... облегчить им переход на сторону коммунизма. Этот метод является единственно коммунистическим методом работы.

Так Сталин сформулировал задачи, стоящие, по его мнению, перед немецкими коммунистами. Немецким коммунистам эту программу оставалось только выполнять.

Межпартийная борьба, в которую, с одной стороны, включилась КПП, а с другой – НСДРП, в условиях начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса привела к усилению как крайне правых, так и крайне левых. Компартия Германии на средства, полученные от Коминтерна, открывала по всей стране рабочие дома, молодежные спортивные клубы и кино-театры, где демонстрировались советские фильмы, что привлекло довольно большую часть рабочих. В то же время сообщения в газетах о практике коммунистических преобразований в СССР, о раскулачивании и насильственной коллективизации внушали немцам ужас.

Угроза захвата власти коммунистами заставила огромное большинство немцев отдать предпочтение альтернативе – нацизму.

Вместо объединения антифашистских сил руководство КПП, выполняя прямые указания Коминтерна, основную свою работу направляло против социал-демократии. Секретариат ЦК КПП в циркулярном письме от 18 сентября 1930 г. утверждал:

– СДПГ по-прежнему является главным врагом рабочего класса; ее влияние должно быть сломлено, чтобы добиться успеха в борьбе против капитализма и фашизма.

В результате этой политики на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. КПП получила 5,3 миллиона голосов, СДПГ – почти 8 миллионов, а НСДПР – 13,7. Двести тридцать депутатов-нацистов составили в рейхстаге самую крупную фракцию за все время существования Веймарской республики.

Один из основателей Коминтерна Лев Троцкий писал:

«В Германии компартия под руководством Коминтерна преследовала ультралевую линию, осуждая социал-демократов как “социал-фашистов” и раскалывая рабочий класс. Таким путем дорога Гитлера к власти была открыта. Эта ультралевая, международная линия была навязана сверху на все партии Коминтерна».

После прихода к власти национал-социалистов изменилось отношение Коминтерна к Германии. Начали использовать иные методы работы.

Такая политика левых партий привела к тому, что сторонник твердой руки Пауль фон Гинденбург 30 января 1933 г. назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии.

С этого момента Германия вступила в самый страшный и самый позорный период своей истории.

Можно много говорить о причинах, которые привели к власти Гитлера.

Исторические корни третьего рейха

На протяжении многих десятилетий человечество задает себе вопрос: как случилось так, что в стране, давшей миру великих философов, гениальных ученых и талантливых инженеров, к власти пришли преступники, перед которыми все злодеи прошлых веков кажутся невинными младенцами? Причем они стали во главе государства законным путем, победив на демократических парламентских выборах. И что это за демократия, которая позволяет уже в наше время террористической организации ХАМАС получить большинство голосов в парламенте Палестины? Попытаемся дать ответы на поставленные вопросы.

Немного о демократии вообще

Многим нашим современникам, прожившим большую часть жизни в условиях советского тоталитарного режима, казалось, что с его крушением наступит эра демократии и, как следствие этого, экономическое процветание страны. Увы, путь к подлинной демократии оказался сложен и противоречив. Страна, казалось, шла к построению демократического общества, но одновременно погружалась в пучину хаоса, происходило обнищание большей части населения. Может быть, именно поэтому авторитаризм Путина и определенный подъем жизненного уровня населения поддерживаются большинством россиян. Жить в условиях демократии оказалось гораздо сложнее, чем в обществе, где всё подчинялось указаниям сверху.

Основой современной демократии являются всеобщие тайные и равные выборы, а также верховенство демократических законов, защищающих права и свободы граждан. Посредством выборов граждане осуществляют добровольную передачу части своих прав и свобод избранным ими представителям с целью защиты своих интересов. Но общество должно уметь пользоваться этим правом, а это, как свидетельствует история, дело непростое.

Как не может ребенок сразу же после детского сада поступить в университет, так и общество не может лечь спать при тоталитарном режиме, а проснуться в стране, где верховенствует, например, «Билль о правах» или «Декларация прав человека». Именно поэтому в результате демократических выборов в Боливии и Венесуэле к власти пришли крайне левые, а в Иране и Палестине – откровенные террористы.

Да и в странах с развитой демократией возможны всплески крайних проявлений. Вспомним события недавних лет: последние президентские выборы во Франции или парламентские выборы в Германии.

Невольно вспоминается известное изречение У. Черчилля: «Демократия – самый лучший способ правления, не считая всех остальных». В этом изречении опущено важнейшее определение слова «демократия» – зрелая. Незрелая демократия в Германии и привела ее к нацизму.

Исторические корни

В нацистской Германии была популярна открытка, на которой были изображены Фридрих Великий, Бисмарк, Гиденбург и Гитлер. Надпись на открытке гласила: «Всё, что завоевал король, укрепил князь, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат».

Таким образом, немцам внушалась мысль о том, что Гитлер-солдат был не только создателем Третьего рейха, спасшим и объединившим Германию, но преемником и продолжателем великих немцев, которые возвеличили германскую нацию.

Первый рейх – Священная Римская империя германской нации – просуществовал со времени коронации в Риме Оттона Великого, второго правителя из Саксонской династии, до заключения Тильзитского мира между Россией и Францией, т. е. с 962 по 1806 г.

Второй рейх был основан князем Отто фон Бисмарком в 1871 г. и просуществовал до 1918 г., до конца правления Гогенцоллернов и образования Веймарской республики.

Нацистская пропаганда постоянно утверждала, что оба рейха прославили Германию, а Веймарская республика растоптала ее доброе имя в грязи. Гитлер обещал, что Третий рейх восстановит былую славу нации.

Словосочетание «Третий рейх» предложено не Гитлером, он лишь использовал название книги «Третий рейх», выпущенной немецким писателем-националистом Артуром Мёллером Ван ден Бруком в 1923 г. Слова «Третий рейх» привлекали его некоей мистической связью со Средневековьем, во времена которого «третье царство» считалось тысячелетним.

Таким образом, нацистская Германия представлялась как логически predetermined этап истории развития страны, как наследница ее великих традиций.

Разделенная еще в начале предыдущего тысячелетия на конгломерат отдельных государств, Германия оставалась таковой и тогда, когда Англия и Франция завершали процесс объединения наций. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии в период с конца Средних веков до середины XIX столетия, что отличало ее от других ведущих стран Западной Европы.

Отсутствие политического и династического единства в XVI–XVII вв. усугубилось ожесточенными религиозными распрями – следствием Реформации.

Тридцатилетняя война (1618–1648) была последней крупной религиозной войной в Европе. От этой войны особенно пострадала Германия, ее города и села были разрушены и разграблены, ветер носил над страной пепел пожарищ, хоронить убитых было некому. По подсчетам историков, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну, явился таким же губительным для будущего Германии, как и сама война. Германские князья были признаны абсолютными правителями своих лоскутных владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался лишь формальным главой государства.

Стремление к проведению объединительных реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV – начале XVI в., были задушены. Алчные правители отрицательно относились к проявлениям германского патриотизма своих подданных, а потому и всячески их подавляли. Как заметил известный историк, Первый рейх... «искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости».

Всё это привело к тому, что идеи демократии и парламентаризма, получившие столь широкое развитие в Англии в XVII–XVIII вв. и всколыхнувшие Францию в 1789 г., не затронули Германию. Раздробленность Германии на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада, к политической незрелости значительной части населения страны.

Нужна была сила, которая вывела бы Германию из создавшегося тупика. И такая сила нашлась к востоку от Эльбы. Там простиралась Пруссия.

На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия возникла как окраинное пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы. С этих земель начиная с XI в. рыцари Тевтонского ордена силой оружия постепенно вытесняли славян.

Согласно императорскому указу, в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 г. император согласился на избрание в Кенигсберге Фридриха I прусским королем.

Наиболее известен Фридрих II Великий (1712–1786), с 1740 г. прусский король из династии Гогенцоллернов. Он был крупным полководцем, и в результате его завоеваний территория Пруссии почти удвоилась.

При Фридрихе II Пруссия превратилась в одно из ведущих государств Европы. Гогенцоллернам удалось создать военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия, ориентированная на создание временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером, способствовала неуклонному расширению территории.

Абсолютная власть правителя, сильный бюрократический аппарат и армия, построенная на жесткой дисциплине, сплотили Прусское государство. Две трети, а в некоторые годы и пять шестых государственного бюджета тратились на военные нужды, а армия стала государством в государстве.

– Пруссия, – заметил Мирабо, – это не государство с армией, а армия с государством.

Государство, которое управляло страной с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди были в нем не более чем винтиками налаженного механизма. Не только короли и унтер-офицеры, муштровавшие солдат, но и философы утверждали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже великий Кант учил, что долг предполагает подавление человеческих чувств, а прусский поэт Виллибальд Алексис в эту эпоху прославлял порабощение народа.

Готгольд Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: «Пруссия – самая рабская страна Европы».

Именно в Пруссии появился государственный деятель, поставивший перед собой цель любыми средствами объединить Германию, естественно во главе с Пруссией. Звали этого человека Отто фон Бисмарк.

Во второй половине XIX в. Пруссия взяла судьбу Германии в свои железные руки. «Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, – заявил Бисмарк, став в 1862 г. премьер-министром Пруссии, – нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 гг., а лишь “железом и кровью”».

Канцлер имел в виду попытки либералов создать в 1848–1849 гг. во Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии.

Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важнейшие национальные проблемы. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов, иными словами, юнкерства, армии и государства, превратить Пруссию, в противовес Австрии, в государство, играющее доминирующую роль не только в Германии, но и по возможности во всей Европе.

Этому талантливому политику, апостолу «железа и крови», удалось в период с 1866 по 1871 г. покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, заменить ее Великой Пруссией или, если можно так выразиться, прусской Германией.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря наличию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором.

Рейхстаг, обладавший весьма скромными полномочиями, мало чем отличался от дискуссионного клуба, в котором депутаты излагали свои проблемы и вымаливали подачки для тех слоев населения, интересы которых они представляли.

В 1910 г. Вильгельм II провозгласил, что королевская корона «...дарована ему милостью Божией, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа, Рассматривая себя проводником воли Всевышнего, – добавил он, – я буду поступать по своему усмотрению».

Назначенный кайзером канцлер подчинялся ему, а не рейхстагу; национальное собрание не могло отправить канцлера в отставку, этой прерогативой обладал лишь монарх.

Таким образом, в Германии, в отличие от других западных стран, идеи демократии, верховенства выбранного избирателями парламента не нашли своего развития даже с наступлением XX в.

Большим влиянием во Втором рейхе пользовалась армия – рейхсвер. Огромные средства государственного бюджета предназначались вооруженным силам. Построенная по прусскому образцу, руководимая прусским Генеральным штабом, армия вмешивалась во все сферы государственной жизни. Следствием созданной Генеральным штабом доктрины тотальной войны стало и финансирование революции в России. В конечном счете эта доктрина явилась причиной поражения Германии в Первой мировой войне. Даже в Веймарской республике офицеры и генералы рейхсвера провозглашались героями войны, защитниками отечества. Первым в списке героев был главнокомандующий немецкими войсками в конце войны генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, будущий президент Веймарской республики.

В «Майн Кампф» Гитлер довольно подробно останавливается на причинах падения Второго рейха:

«...терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии,

...бесчестное влияние низкопоклонников и льстецов, окружавших престол Гогенцоллернов,

...безрассудная союзническая политика Германии, которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики».

Гитлер обещал, что эти причины будут устранены национал-социалистами, в случае их прихода к власти.

Одаренным и трудолюбивым людям, составляющим основу немецкого народа, пропагандисты национал-социализма сумели привить жажду владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности, стремление к автократии и деспотизму. Немцы превратились в послушный придаток государственной машины.

Германия 1932 года

В стране не было зрелой демократии. Конституция, принятая после образования Веймарской республики, не предусматривала системы сдержек, необходимых в демократическом государстве. Кроме того, президент страны был наделен слишком большой властью, в том числе правом назначать главу правительства – рейхсканцлера независимо от позиции парламентского большинства.

Наличие сильного левого центра (социал-демократическая партия) и полное отсутствие правого центра должно было привести к образованию «третьей силы» – сильной крайне правой партии. Появление такой харизматической личности, как Адольф Гитлер, существенно ускорило этот процесс.

Непонятное для многих немцев поражение Германии в Первой мировой войне дало повод националистической пропаганде говорить о предательстве национальных интересов. И действительно, в конце войны положение на фронтах было следующим: германские войска находились на территориях противника, а вот войска Антанты не сумели захватить ни одного метра немецкой территории. Позорный Версальский мир, условия которого унижали германскую нацию, дали националистам дополнительные аргументы для обвинения социал-демократов в предательстве интересов Германии.

Всемирный экономический кризис 1929 г., который привел к массовому разорению крестьян и мелких предпринимателей, когда безработица достигла 45 %, дал возможность нацистской пропаганде говорить о неспособности демократических институтов управлять экономикой.

Необходимо учесть, что в руководстве социал-демократов в то время было немало евреев, а, кроме того, евреи, значительная часть которых была банкирами, предпринимателями, врачами и юристами, в меньшей степени пострадали от последствий кризиса. Это позволило нацистской пропаганде вновь провозгласить тезис о «всемирном еврейском заговоре» с целью уничтожения немецкого народа.

Нельзя игнорировать и тот факт, что коммунисты оттянули на себя значительную часть левого электората. Всё это помогло национал-социалистам стать к концу 1932 г. крупнейшей парламентской партией.

Итак, Второй рейх был построен на военных захватах Пруссии, Веймарская республика возникла в результате поражения в войне и кабальных условий, навязанных победителями, а Третий рейх был создан в мирное время и мирными средствами. Никто извне не навязывал немецкому народу нацистскую тиранию. Многие из немецких граждан, а вероятно большинство, даже не поняли, что произошло в полдень 30 января 1933 г., когда президент Гинденбург, действуя в рамках Конституции, вверил пост канцлера Адольфу Гитлеру.

Тайны «ядовитой» лаборатории

Писать о мерзавцах мне тягостно. Тем более если они – мои соплеменники. Но что поделаешь: из Истории ничего нельзя изъять. Так было! Для того она и существует, чтобы донести до нас опыт многих поколений, в том числе и нравственный. А потому придержим на время эмоции и обратимся к фактам.

Применение такого орудия политической борьбы, как отравление противников «потихому», восходит к глубокой древности. Большевики, явно не склонные к высокой морали, придя к власти, тоже взяли метод тайных убийств на вооружение. Вот что рассказывает заслуженный юрист России писатель Андрей Сухомлинов, кропотливо собиравший сведения по этой теме...

Первая тайная токсикологическая лаборатория в Советской России была создана еще в 1921-м. Называлась она «Кабинет». О ее существовании был прекрасно осведомлен Ленин, попросивший яда, чтобы покончить с мучениями в ходе своей тяжелой болезни.

Спустя несколько лет под руководством профессора Явича заработала аналогичная лаборатория при Химических курсах комсостава. Ее сотрудниками были врачи Власов, Соколов, Александрова. Там проводили опыты с боевыми отравляющими веществами (БОВ). Когда понадобились подопытные, в печати была развернута настоящая рекламная кампания: дескать, небольшие дозы БОВ помогают в лечении таких-то болезней. А значит, граждане, смелее соглашайтесь на новые методы лечения! Граждане, конечно, соглашались. Но, как говорится, лиха беда начало. Темы научных работ уже обозначали не способы лечения, а совсем другое: «Изучение токсичности отравляющих веществ при введении их в пищу», «Систематическое исследование порога действия на кожу человека люизита, иприта, дика»... В рабочих журналах тщательно фиксировали данные опытов, число подопытных: «Людей с темной кожей – 9, с болезнями кожи – 8, венеритиков – 20, причем два из них с мягким шанкром... Препарат во всех опытах наносился на внутреннюю поверхность правого предплечья, в верхней ее трети и по средней линии...» Фамилии при этом не указывались: «объект № 14», «объект № 23»...

Начальник Химического управления Наркомата обороны Яков Фишман получал рапорты об опытах с ядами. В одном из них (в 1930 г.) сообщалось об испытании нового токсичного препарата под кодовым названием «вещество № 409»: «Испытывалось на людях по принятой... методике. Объектами являлись красноармейцы Московского гарнизона».

Чины, дававшие санкции на эти опыты, угрызениями совести не терзались. Что для них ценность человеческой жизни? Буржуазная сентиментальность. А превратить людей в «объекты», как говорится, дело техники...

Рассказанное А. Сухомлиновым не было чем-то исключительным в том расчеловечивании, что начали большевики во главе с Лениным, отменив многовековую библейскую мораль в угоду «классовой целесообразности». Но, как известно, в этом мире все относительно. Среди научных учреждений, так или иначе связанных с разработками разнообразных ядов, наиболее зловещую репутацию получила лаборатория, в которой ведущим специалистом четырнадцать лет был Григорий Моисеевич Майрановский.

Он родился в 1889 г. в многодетной семье в Батуми, где его родители держали столовую. Окончил гимназию и осенью 1917-го поступил в Тифлисский мединститут. Но закончить его не успел: закрутили революционные вихри. Вступил в «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз), перебрался в Баку, где его брат Абрам был одним из лидеров местных «бундовцев». Там же некоторое время учился в университете. Видя, что большевики терпеть «Бунд» не намерены, быстро сориентировался и в апреле 1920 г. вступил в РКП(б). Выходец из мелкобуржуазной семьи, честолюбивый молодой человек из всех сил старался показать преданность новой власти. Усердие было замечено: карьера Майрановского пошла вверх. В 1920–1922 гг. он слу-

жил инспектором, затем начальником отдела кустовой промышленности Совнархоза Азербайджанской ССР. В 1922-м переехал в Москву, где завершил медицинское образование.

Послужной список Григория Моисеевича длинен и успешен. С января 1935-го он возглавляет токсикологическую лабораторию Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). В августе 1937-го его вместе с руководимой им исследовательской группой переводят в Наркомат внутренних дел. Работа та же: с ядами. Только не для лечения – для умерщвления тех, кого руководство страны решило тайно ликвидировать. Требования к продукции высокие: яд должен действовать быстро и надежно, не оставляя следов, которые можно было бы обнаружить при вскрытии. Человек скончался от острой сердечной недостаточности. А вот определить, почему она внезапно наступила, даже опытному патологоанатому должно быть не под силу.

Токсикологическая лаборатория в НКВД была строго засекречена, как и должность Майрановского. Начальник группы 7-го отделения 2-го спецотдела наркомата. А затем начальник группы 1-го отделения 4-го спецотдела. Поди догадайся, что это за должность и в каком именно подразделении всесильного ведомства. А в узком кругу работников наркомата в этой сверхтайной структуре тоже менялись индексы: «лаборатория-1», «лаборатория-12», «лаборатория-Х» и просто «Камера». Не менялась только суть: яды, яды, яды... Здесь же испытывались и способы их использования – традиционный шприц, отравленные пули или, например, укол острием зонтика, авторучкой или иным внешне безобидным предметом. Работали в лаборатории высококвалифицированные специалисты: Филимонов, Аничков, Емельянов, Муромцев (впоследствии профессор и академик). Подопытными служили приговоренные к расстрелу. Кто были эти люди? Отъявленные уголовники или безвинные жертвы, попавшие в сталинскую мясорубку и объявленные врагами народа? До сих пор их имена хранятся в тайне. Нынешняя ФСБ России открывать свои архивы даже 75-летней давности не торопится.

«Засветилась» «Камера» в августе 1953-го, когда Л. П. Берия и его подручные были арестованы и стали давать показания. Тогда и всплыли некоторые подробности этой дьявольской работы как доказательства «злодеяний английского шпиона и злейшего врага Советского государства Берии».

Отбирали на муки «для научных исследований» молодых и пожилых, полных и поджарых, мужчин и женщин. Разрешение на выдачу из тюрьмы тех или иных «объектов» давали заместители наркома, чаще В. Н. Меркулов и Б. З. Кобулов. Яды вводили с пищей или напитками, при помощи уколов шприцем, тростью и другими колющими предметами. Использовались и портативные бесшумные пистолеты, стрелявшие миниатюрными пулями, в которых были капсулы с различными ядами. Нередко из таких пистолетов стрелял и Майрановский. Обычно делал по три выстрела, беря за точку прицеливания ту часть тела, попадание в которую обычной пули не приводит к смертельному исходу. Сделает выстрел и наблюдает, как работает яд. Если жертва корчится в муках – заряжает пистолет новым патроном, где пуля уже с другим ядом. И так до трех раз. Тех, кто после опытов выживал, «списывали», т. е. просто добивали выстрелом в затылок. А потом имена умерщвленных ядами, как и всех подвергнутых экспериментам, вносили в список со стандартной формулировкой: «Приговор приведен в исполнение».

Сколько несчастных прошло через «Камеру»? Майрановский потом признает: около 100 человек. Но его высокопоставленный шеф – начальник 4-го Управления НКВД П. А. Судоплатов – на допросе 1 сентября 1953 г. покажет не менее 150. По другим данным – свыше 200.

Однажды после введения яда один из подопытных стал что-то говорить, перемешивая бессвязную речь с фрагментами личных воспоминаний. Майрановского осенило: а что, если создать такой препарат, после введения которого «объект» «раскалывается» и дает ценные признания? Идея начальству понравилась. И снова опыты, опыты...

Словом, энтузиастом был. Вдохновенно работал. Естественно, начальство его ценило. Еще до войны, в июле 1940-го, он защитил в Институте экспериментальной медицины докторскую диссертацию на тему «Биологическая активность продуктов взаимодействия иприта с тканями кожи при поверхностных аппликациях». Высшая академическая комиссия при Комитете высшей школы защиту не утвердила, указав, что диссертация нуждается в доработке. Но в феврале 1943-го Майрановский по представлению первого замнаркома НКВД СССР Меркулова без «лишних формальностей» стал доктором медицинских наук, профессором, заодно получив звание полковника медслужбы. Поскольку яды, разработанные в «Камере», в годы войны использовались диверсионными группами и специальной агентурой в немецком тылу, на Майрановского посыпались и боевые награды. После ордена «Знак Почета», врученного ему «за выполнение заданий в тылу противника», Майрановский получил ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «Партизану Отечественной войны» I степени. Словом, этот доблестный партизан, ни разу не бывавший в тылу противника, очень даже преуспевал.

Разработанные в «Камере» яды действовали безотказно. Ими тайно устраняли людей, санкцию на убийство которых давали первые лица страны, начиная со Сталина. Далеко не все жертвы этих убийств были врагами Советского государства. Многих «убирали» по тем или иным причинам как неудобных высшему советскому руководству или «органам». Так, архиепископ Юрий Теодор Ромжа, епископ Мукачевской епархии, был убит в 1947-м по инициативе Н. С. Хрущева, бывшего тогда членом Политбюро ЦК ВКП(б) и первым секретарем ЦК Компартии Украины.

Хрущев убедил Сталина: Ромжа «мутит воду», связан с украинскими националистами и Ватиканом. Сталин распорядился: «Убрать». Украинские гэбисты организовали авиакатастрофу, но архиепископ выжил. Тогда Хрущев снова обратился к Сталину: надо дело довести до конца. Сталин не возражал. В Ужгород, где Ромжа лежал в больнице, выехали министр ГБ Украины Сергей Савченко и Григорий Майрановский. Медсестра – агент МГБ, получив от Майрановского ампулу с ядом кураре, сделала смертельный укол...

Не менее трагична судьба Исаака Оггинса, американского коммуниста, давнего агента Коминтерна и НКВД. По поручению «органов» он выполнял секретные задания в Китае и США. В 1938-м по фальшивому паспорту приехал в СССР, где был арестован по подозрению в ведении двойной игры, хотя веских доказательств этого и не было. Официально Оггинса обвинили в «троцкизме». Виновным он себя не признал, но все же был приговорен к восьми годам лагерей. Его жене удалось вернуться в США, откуда она через правительство пыталась вызволить мужа – гражданина США. В 1942-м через посольство США в МИД СССР поступил запрос: почему арестован Оггинс, на какой срок осужден и каково состояние его здоровья? Не исключено, что у американских спецслужб тоже были свои виды на него. Началась дипломатическая переписка. Выпускать из СССР бывшего разведчика, пусть даже невиновного в предательстве, в «органах» не хотели: слишком много знал. Тогдашний министр госбезопасности Абакумов направил на имя Сталина и Молотова докладную записку, в которой изложил историю с недавним своим агентом и приписал: «Исходя из этого МГБ СССР считает необходимым Оггинса Исайю ликвидировать... Прошу Ваших указаний». Указания были получены. В 1946-м Оггинса доставили в «Камеру», где под видом профилактического осмотра ему сделали смертельный укол.

В своих мемуарах генерал-лейтенант Судоплатов высказал предположение о том, что похищенный сотрудниками советской контрразведки в 1945 г. в Будапеште шведский дипломат Рауль Валленберг, теперь всемирно известный праведник народов мира, спасший несколько тысяч венгерских евреев, в 1947-м был умерщвлен в лаборатории Майрановского.

Если перечислять только установленные факты тайных отравлений, санкционированных «сверху», к которым причастна «Камера», список получится длинный. Не все ее сотрудники

выдерживали эту дьявольскую работу. М. Филимонов уже после десяти «экспериментов» ушел в безнадежный запой. В. Щеголев покончил жизнь самоубийством. У двоих сотрудников обнаружили серьезные психические расстройства...

Ну а сам Майрановский? Терзали ли его хоть какие-то угрызения совести? Непохоже. До последнего дня пребывания в «Камере» он трудился ревностно. Но разве мог он предположить, что «великий вождь», отягощенный старческой паранойей, уже задумал в государстве новую гигантскую «чистку»? А тут и «дело врачей» стало вызревать как запал всесоюзной антисемитской кампании. Для начала Сталин решил избавиться от тех своих приближенных, которые уже сделали свое дело и стали ему не нужны. Одним из первых в 1951 г. был арестован министр госбезопасности В. С. Абакумов (расстрелян в 1954 г.). Не потерпел Сталин и наличия в «органах» немногочисленных евреев. Их холуйская преданность никакого значения уже не имела: «У нас незаменимых нет. Убрать!»

Их не просто убрали. Арестовали. За обвинением дело не стало: «сионистский заговор в органах госбезопасности». В этот карательный поток попал и Майрановский. 13 декабря 1951 г. его арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Японии, злоупотреблении служебным положением и незаконном хранении ядов. Позднее «шпионаж» из дела исчезнет, а «незаконное хранение ядов» превратится в «подготовку террористических актов». В декабре 1952-го Майрановский пишет из тюрьмы отчаянные письма на имя нового министра госбезопасности С. Д. Игнатьева, доказывая свою невиновность. Не помогло. Его приговаривают к десяти годам тюремного заключения. Из одиночки Владимирской тюрьмы № 2 в апреле 1953-го Майрановский пишет Берии. Довольно подробно перечисляет свои «заслуги», напоирая на то, что по отношению к нему допущена чудовищная ошибка. Он же свой, свой! Его оклеветали! «Моей рукой был уничтожен не один десяток врагов советской власти, в том числе и националистов всяческого рода (и еврейских) – об этом известно генерал-лейтенанту П. А. Судоплатову...».

Не знал Григорий Моисеевич, что дни недавно могущественного Берии сочтены. Его письмо послужило еще одним обвинением бывшему всесоюзному карателю, да и самому Майрановскому пошло во вред. «Засветившиеся» отравители уже не вписывались в «оттепель», связанную с именем Хрущева, набиравшего властную силу.

Свою «десятку» Майрановский отсидел полностью, уже лишенный научных титулов и званий полковника и заслуженного работника НКВД. Вернувшись после освобождения в Москву, предпринял усилия для своей реабилитации. И снова не прошло. Более того, в 1962-м указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен всех наград. Постановлением Совета Министров СССР ему запрещалось жить в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Пришлось довольствоваться жителямством в Махачкале и работой в должности заведующего биохимической лабораторией НИИ токсикологии. Умер Майрановский в декабре 1964-го.

Как бы хотелось, чтобы изуверские опыты над людьми и тайные политические убийства навсегда ушли в прошлое! Не знаю, как теперь в России с подобными опытами, но тайное устранение негодных власти лиц продолжается. Совершенствуются и яды. В 2003 г. был отравлен публицист Юрий Щекочихин. Его книга «Рабы ГБ» до сих пор – обвинительный документ, изобличающий гэбэшные преступления. В 2004-м была предпринята попытка отравить Анну Политковскую, летевшую в Беслан. В самолете она выпила предложенную стюардессой чашку чая (до этого почти сутки ничего не ела) и потеряла сознание. Тогда журналистку удалось спасти. Убили ее в 2006-м. Преступление по-настоящему до сих пор не раскрыто, но есть основания предполагать, что и к нему приложили руку сотрудники ФСБ. В 2006-м отравлен радиоактивным полонием-210 бывший сотрудник российских спецслужб Александр Литвиненко, получивший политическое убежище в Англии...

Да что тут перечислять! Со сменой государственных структур и политических вывесок суть и методы «органов» практически не изменились. И в этом нет ничего удивительного:

в спецслужбах авторитарного государства руководствуются не столько принципами общечеловеческой морали, сколько совсем другими – «по понятиям». От кого исходят эти «понятия»? Почему они столь живучи в государственных сферах? Вот здесь, как говорится, и собака зарыта. Но это уже другая тема⁹.

⁹ Нордштейн М. Григорий Майрановский – палач и жертва. «Еврейская газета», 2011. № 11 (111), ноябрь.

Мой дед Генрих Ягода

Прошлый век ползучей змеей перебрался в нынешний, принеся оттуда старые болезни, споры о состоянии страны, смене формаций. Когда я буду старым, мне тоже присвоят какой-нибудь статус типа «труженик тыла» или «ветеран перестройки». А что, мое поколение не побежало из Сибири толпой в столицы, в теплые края, а осталось на последних рубежах, сохраняя ее богатства, увы, для столичных богачей.

Мы пережили путчи, войны в Чехословакии, Чечне, Афганистане, несколько финансовых кризисов, не говоря уже про «МММ» и «Русский дом Селенга». А еще больше досталось нашим дедам: одних унес вихрь войны, других поглотили пучины ГУЛАГа, поэтому с возрастом мы будем бережнее относиться к прошлому, не перечеркивая события и не вымарывая из летописи людей, какими бы они ни были. Оба моих деда пали на войне, я даже не знаю, как они выглядели.

Мое предисловие возникло для того, чтобы этим прошлым не захлестнуть детей и внуков, их предки оказались винтиками в страшной мясорубке.

После встречи с внучкой наркома НКВД Генриха Ягоды Викторией Генриховной Авербах-Комарицыной у меня отпало желание клеймить позором ее деда. Она не знала его, не слышала от отца о своем знаменитом родственнике по прямой линии, может, поэтому ей, как и многим людям среднего поколения, хочется сохранить о дедушке самые добрые чувства.

У всех деда в XX веке совершали что-то героическое: одни поднимали ДнепрогЭС и Магнитку, другие осваивали целину, третьи сражались на войне, четвертые ударно работали в тылу.

Виктория, сама того не ведая, впитала в себя лучшие черты рода Ягоды (не на одном же деде замыкается семейная линия). По воспоминаниям современников, ее бабушка – Эсфирь Григорьевна Ягода-Шохар – отличалась необыкновенной красотой. Высокая, статная, она казалась царственной. Тетушка Викторией Генриховны – Вероника Знаменская – прошла через все бури эпохи с несокрушимой жизненной силой, они с сестрой Диной выглядели романтичными, в них чудились неуловимая прелесть и таинственность.

В конце концов, один Ягода не может перечеркнуть всех страданий, которые выпали на долю рассеянных по стране, расстрелянных и репрессированных из-за него родственников. В Викторией Генриховне, внучке Ягоды, тоже чувствуется порода, она наделена лучшими нравственными качествами, доставшимися ей от отца. Генрих Авербах, как известно, много лет прожил в Ангарске, а потом переехал в Северодонецк Ворошиловградской области, в Гусь-Хрустальный, откуда перебрался в Израиль.

В истории семьи наркома НКВД Ягоды до сих пор остается много темных пятен. Авторы исследований, историки до сих пор не могут уложить все кирпичики в один монолитный блок, всегда какие-то детали ускользают. Беседа с Викой Комарицыной пролила свет на многие неизвестные моменты.

– У нас была очень дружная семья: папа, мама, бабушка и мы с братом Витей, – рассказала Виктория Генриховна. – Отец сконцентрировался на мне, а младший брат больше тяготел к маме. На маму возлагались такие функции, как шитье, штопка, приготовление еды, а папа привозил из командировок замысловатые игрушки, везде со мной ходил: в кинотеатр, на детские мероприятия, в детский садик. Отец много читал, поэтому был изумительным собеседником. В письме мне он написал: «Вика, я всю жизнь буду учиться, уже сдал кандидатский минимум». Генрих Генрихович работал и попутно учился в Москве в техническом вузе и с успехом закончил его. Он любил классику и приобщал нас к музыке. Играть на трубе он, вероятно, научился в Москве, да в детских домах.

Не был привередлив в еде, правда однажды я услышала от него просьбу к бабушке. Она прекрасно готовила, единственное, что ему не нравилось в ее изысках... картошка в мундире.

О Сталине отец отзывался как об убийце. Про свое происхождение папа ничего не говорил и про деда не рассказывал. Он говорил: «Вика, Сталин расстрелял моих родителей – папу и маму, а меня спрятали и потом отдали в детский дом». В 10 лет я задала ему вопрос, почему он взял фамилию мамы, он ответил: «Тогда так надо было».

Родственников у него почти не было, разве что тетя Руня, у которой он жил в Москве, когда полгода защищался в институте. К тете Руне приходила какая-то родня, но о ней никто ничего не знал, да и папа нас с теми родственниками не знакомил. Однажды он привез из Москвы большой портрет. На нем в профиль была сфотографирована аристократичного вида женщина, очень величественная и красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.